

Секция «Филология и искусствоведение»

УДК 811.163.1+242

ЧЕЛОВЕК В ПРИЗМЕ ПРОЛОЖНЫХ ЧТЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНКРЕТНОЙ ЛЕКСИКИ ПРОЛОГОВ XV – XVII ВВ.)

А.Д. Большаков, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия), e-mail: barsikapfff-2@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению наиболее репрезентативных лексико-тематических групп, выявленных в августовских чтениях рукописных славянских Прологов XV – XVII вв. Лексический материал извлечен путем сплошной выборки. Исследование лексики проводилось методами описания, сравнительного, компонентного и количественного анализа. На основании полученных данных автор делает выводы об основном характере изображения человека в чтениях агиографического и дидактического циклов. Также автор излагает точку зрения на специфику проложной формы изложения материала в рамках лингвистического изучения Пролога. Результаты исследования обнаруживают изоморфизм и когнитивную соотнесенность агиографической и дидактической частей Пролога.

Ключевые слова: Пролог, церковнославянский язык, лексикология, имя существительное, лексико-тематическая группа, агиография, духовно-просветительская литература, христианская антропология.

HUMAN THROUGH LIMBECK OF PROLOGUE'S READINGS (ON MATERIAL OF CONCRETE LEXIS OF PROLOGUES OF 15TH – 17TH CENT.)

Abstract. The article is devoted to review the most representative lexical-thematic groups detected in august readings of Slavonic Prologues 15th – 17th centuries. Lexical material was extracted by means of total sample. Research of lexis was realized by method of description and by comparative, componential and quantitative analysis. The author deduces inference about principle of character of representation of Human in readings of hagiographical and didactical cycles from obtained data. Also, the author set forth the point of view on specific of Prologue's form of presentment of a material within linguistic investigation of the Prologue. The results of research reveal isomorphism and cognitive interrelationship of hagiographical and didactical parts of the Prologue.

Keywords: Prologue, Church Slavonic language, lexicology, noun, lexical-thematic group, hagiography, religious educative literature, Christian anthropology.

Пролог как четий сборник в настоящее время незаслуженно забыт, хотя в свое время являлся едва ли не самой популярной на Руси книгой вне корпуса Священного Писания [10]. Включая в свой состав не только краткие жития, но также и выдержки из творений Отцов Церкви, сведения по церковной и светской истории и даже местные религиозные предания [4], Пролог был, как его именуют исследователи, «энциклопедией» [9, с. 3], «литературным гербарием» [4, с. 102 – 103], основным «транслятором православной модели жизни» [6].

В этой связи вызывает интерес та картина мира, которую предлагает читателю/слушателю проложное чтение. Картина эта может быть установлена путем анализа

конкретных имен существительных, поскольку именно они в подавляющем большинстве случаев служат номинациями объектов окружающей действительности [5; 11]. Опуская здесь статистические данные, с которыми можно ознакомиться в [1; 2], обратимся к их непосредственной интерпретации.

Количественный анализ лексики показывает, что наиболее характерным для Прологов является определенный набор лексико-тематических групп (далее – ЛТГ). При этом ряды наиболее репрезентативных групп агиографической и дидактической части пересекаются в довольно широком спектре. Так, общими наиболее репрезентативными для агиографии и дидактики являются следующие ЛТГ: «Соматонимы», «Естественный ландшафт», «Профанные архитектура и интерьер», «Аксио- и агиология», «Профессиональные характеристики», «Несубординационные отношения», «Церковная» и «Светская» субординация, «Отношения родства и свойства». Иными словами, при изображении персонажа в поле внимания в первую очередь попадают хронотоп, социально-бытовые условия и основные агиологические характеристики.

В то же время в плане максимальной репрезентативности тех или иных ЛТГ между агиографической и дидактической частями Пролога имеются различия, а именно: для агиографических чтений наиболее актуальными являются социально-бытовые характеристики (утварь, орудия казни, катойконимика), тогда как в чтениях дидактических широко представлена амартиологическая и темпоральная лексика. Из этого можно заключить, что репрезентативность определенных ЛТГ тематически детерминирована и коррелирует с топикой чтений:

обстоятельства детства и взросления ~ термины родства, катойконимы;

взрослая жизнь ~ профессиональная лексика, термины субординации, обозначение архитектуры и интерьера;

мученическая кончина ~ оружие и орудия казни и многочисленные упоминания соматонимов.

Эти данные позволяют уточнить специфику функционирования лексики, составляющей общие с агиографической частью ЛТГ. Если житие предоставляет историческую картину, то поучение предлагает читателю персонажа виртуального, но обязательно соотносимого с самим читателем. Это выражается общими указаниями вроде «некий мних», «един старец/отрок»; в свою очередь, максимальная реалистичность в таких назидательных чтениях достигается упоминанием конкретных мер времени и пространства (в ЛТГ количественно-измерительных характеристик указанные параметры составляют подавляющее большинство). Событийность и сама реальность, сопричастность той действительности, в которой живет наставляемый читатель, в дидактической части выражается в том числе и через пространственно-временные уточнения, тогда как для агиографической части святость и само историческое существование святого является свершившимся фактом, не требующим доказательств.

Другой особенностью дидактических чтений является значительное внимание, уделяемое лексике амартиологической: если агиографическая часть преподает позитивную сотериологию, то дидактика действует по принципу «от обратного»: грех и порок упоминаются только для последующего призыва к отвращению от него. При этом разнообразные наименования грешников так же виртуальны, как и вышеупомянутые характеристики возраста, пола и пр. Амартитологическая лексика представлена, хотя и в значительно меньшей степени, и в агиографической части, однако стоит обратить внимание на то, что при ис-

пользовании амартиологической лексики в учительных чтениях звучит не осуждение, но призыв к отрицанию, тогда как в агиографической части номинация грешника воспринимается как константа, как своего рода один из его атрибутов. Грех как атрибутивность встречается и в дидактических чтениях, но в особенной форме. Если именование грешника грешником в агиографии является обычным упоминанием качества его характера (ср. прозвище императора Льва III Исавра – Иконоборец), то грешник как персонаж дидактического чтения появляется, во-первых, крайне редко, и при этом, во-вторых, повествование о нем заканчивается его покаянием.

Таким образом, в изображении греха дидактическая часть действует по принципу «cum dilectione hominum et odio vitiorum» [13, v. 33, с. 962], в отношении же к проповеди святости – in contrarium. Это вполне понятно: если агиография сосредоточена на личности святого и его мученическом подвиге (монашество же понимается как «бескровное мученичество» [3, с. 286]), т.е. ее дидактический посыл сосредоточен на позитиве, на утверждении святости, то в дидактике центром назидания часто становится негативное изображение порока, от которого, таким образом, отвращается пестуемый.

Итак, агиографическая часть содержит больше “детализирующей” конкретной лексики, тогда как дидактическая часть, наоборот, оперирует “обобщающими” конкретными субстантивами: из обычной, хотя порой и вымышленной, но всегда, тем не менее, возможной, ситуации создается именно притча.

Однако, несмотря на установленную специфику функционирования конкретных субстантивов в разных частях Пролога, лексический материал рукописей [7; 8; 12] позволяет утверждать, что, помимо тенденции к изоморфизму между агиографией и дидактикой в плане количественной характеристики функционирования конкретной лексики, можно наблюдать факт изоморфизма, тождества на уровне содержательном, что говорит о единстве общей магистральной установки назидания: в какой мере непосредственно слово учительное призвано наставлять, в той же мере и рассказ о конкретном святом призван служить примером, образом, стимулом к совершенствованию и духовному деланию, то есть в той же мере является средством научения.

Иными словами, одной из характерных черт проложного чтения как особой формы изложения можно считать когнитивную соотнесенность обеих частей Пролога в особенностях изображения персонажей.

Литература:

1. Большаков А.Д. Некоторые особенности функционирования конкретных субстантивов в рукописном славянском Прологе XVI в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6(2). С. 39 – 42.
2. Большаков А.Д. Функционирование конкретной лексики в агиографических и дидактических чтениях рукописных Прологов XV – XVII вв./ А.Д. Большаков// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. №8(62): в 2-х ч. Ч. 1. С. 84 – 88.
3. Добротолюбие. Т. 4. М., 1901.
4. Еремин И.П., Скрипиль М.О. Житийная литература [в переводах XI – начала XIII века] // История русской литературы. В 10 тт. М.; Л., 1941 – 1956. Т. I. Литература X – начала XIII века. 1941. С. 87 – 113.

5. Калинина Л.В. Существительные конкретные, абстрактные, вещественные, собирательные и их роль в отражении действительности // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. № 3 (том 151). 2009. С. 240 – 247.
6. Маркова Т.Д. Славяно-русский Пролог как транслятор православной модели жизни// Вестник ЧГПУ. 2012, № 8. С. 281 – 289.
7. НИОР РГБ, ф. 304.I, № 717.
8. НИОР РГБ, ф. 304.I, № 719.
9. Петров Н.И. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога (Иноземные источники). Киев, 1876.
10. Петухов Е.В. Материалы и заметки по истории древнерусской письменности// Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Киев, 1893. Т. XII. С. 1 – 32.
11. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. – М.: Гос. учеб.-педагог. Изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1956.
12. ФБ ННГУ, ФРЦИ, № 933757.
13. Migne. J.P. Patrologia Latina. Tt. 1 – 221, Imprimerie Catholique, Paris, 1844 – 1855.

References:

1. Bol'shakov A.D. Nekotorye osobennosti funkcionirovaniya konkretnyh substantivov v rukopisnom slavjanskom Prologe XVI v. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2013. № 6(2). S. 39 – 42.
2. Bol'shakov A.D. Funkcionirovanie konkretnoj leksiki v agiograficheskikh i didakticheskikh chtenijah rukopisnyh Prologov XV – XVII vv./ A.D. Bol'shakov// Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2016. №8(62): v 2-h ch. Ch. 1. S. 84 – 88.
3. Dobrotoljubie. T. 4. M., 1901.
4. Eremin I.P., Skripil' M.O. Zhitijnaja literatura [v perevodah XI – nachala XIII veka] // Istorija ruskoj literatury. V 10 TT. M.; L., 1941 – 1956. T. I. Literatura X – nachala XIII veka. 1941. S. 87 – 113.
5. Kalinina L.V. Sushhestvitel'nye konkretnye, abstraktnye, veshhestvennye, sobiratel'nye i ih rol' v otrazhenii dejstvitel'nosti // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki. № 3 (tom 151). 2009. S. 240 – 247.
6. Markova T.D. Slavjano-russkij Prolog kak transljator pravoslavnoj modeli zhizni// Vestnik ChGPU. 2012, № 8. S. 281 – 289.
7. NIOR RGB, f. 304.I, № 717.
8. NIOR RGB, f. 304.I, № 719.
9. Petrov N.I. O proishozhdenii i sostave slavjano-russkogo pechatnogo Prologa (Inozemnye istochniki). Kiev, 1876.
10. Petuhov E.V. Materialy i zametki po istorii drevnerusskoj pis'mennosti// Izvestija Istoriko-filologicheskogo instituta knjazja Bezborodko v Nezhine. Kiev, 1893. T. XII. S. 1 – 32.
11. Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii. 7-е изд. – М.: Gos. учеб.-педагог. Изд-во Мин-ва просвещения RSFSR, 1956.
12. FB NNGU, FRCI, № 933757.
13. Migne. J.P. Patrologia Latina. Tt. 1 – 221, Imprimerie Catholique, Paris, 1844 – 1855.

Сведения об авторе

Александр Дмитриевич **Большаков**, аспирант, лаборант кафедры русской литературы, член творческого коллектива лаборатории палеославистических исследований при кафедре истории русского языка и сравнительного славянского языкознания, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).